

УДК 81'33

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СЛОВ: РУССКО-ШВЕДСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В.А.Кохановский

Гуманитарный институт НовГУ, vitalij_ak@mail.ru

Из числа историзмов, входящих в корпус скандинавских заимствований русского языка, выделено восемь лексем, обладающих наиболее показательной этимологией. Раскрываются вопросы бытования и эволюции отобранных единиц в языке-доноре и языке-реципиенте.

Ключевые слова: скандинавские языки, русский язык, заимствованная лексика, историзмы, этимология

Eight historicisms which have the most significant etymology are picked out from Scandinavian loanwords corps in Russian language. Then problems of existing and evolution of chosen lexemes in language-donor and language-recipient are shown.

Keywords: Scandinavian languages, Russian language, loanwords, historicisms, etymology

История взаимоотношений нашего государства со Скандинавией насчитывает более тысячи лет. Контакты разной степени интенсивности сложились во всех областях жизни общества — экономической, политической, культурной, научной. Наиболее прочные связи у России установились со Швецией. Разумеется, отношения не всегда развивались мирно. Достаточно вспомнить, что в XVI — XIX вв. Россия и Швеция воевали девять раз. Эти процессы так или иначе отразились в русском языке. Его словарный состав пополнялся новыми, заимствованными у северных соседей словами, относящимися к древнейшей эпохе. Собственно говоря, возможно ли их именовать заимствованиями, еще вопрос: ведь, как известно, национальный русский язык окончательно сложился к XVIII веку, а процесс культурного освоения восточными славянами «словарного богатства» скандинавов начался значительно раньше. Поэтому речь в данном случае целесообразно вести об «исконном неславянском элементе» в лексическом составе русского языка и именовать такой элемент «русской лексикой скандинавского происхождения».

В данной статье не могут быть освещены все слова скандинавского происхождения в русском языке, так как их довольно много. Однако вполне возможным представляется проследить культурную историю отдельных слов, отражающих быт и взаимоотношения славян и скандинавов, а именно: лексики, относящейся к разряду историзмов.

В результате сплошной выборки из отечественных лексикографических источников был установлен корпус скандинавизмов, насчитывающий 216 единиц: *айсберг, акула, англстрем, балласт* и др. [1]. Лексика, означающая исчезнувшие реалии, составляет 22,6% от общего количества скандинавизмов русского языка (49 лексем). Часть слов, точнее 106 лек-

сем (49,07%), некогда заимствованных русским языком из скандинавских, используется и сейчас: *викинг, динамит, якорь* и др. К архаизмам относится 61 лексема (28,2%), например, *напарей, окшевь*.

Из числа скандинавских историзмов в русском языке были выбраны восемь лексем, имеющих интересную историю как в русском, так и в шведском языках, а именно: *артуг, барма, беркун, бурак, водмол, оврь, рокан, шинка*. На примере этих лексем, обладающих прозрачной этимологией, можно проследить не только эволюцию отдельных слов в системе языка-реципиента и языка-донора, но и ответить на вопрос, в каких сферах жизни наших предков заимствования из скандинавских языков были наиболее актуальны.

Информацию об этих лексемах предоставляют этимологические и толковые словари русского языка, но ответить на вопросы, откуда они изначально появились и что с ними стало в языке-доноре, могут лишь шведские источники. К их числу, безусловно, относятся SEO и NEO (список сокращений см. в конце статьи).

Между нашими предками и скандинавами существовали прочные торговые связи. Так, наряду с исконно русскими денежными единицами (*копейка, рубль, полтина*) славяне активно пользовались и иностранными монетами — в их числе пришедшие из Скандинавии *артуг* и *оврь*.

Об *артуге* в словаре М.Фасмера читаем: «Медная монета. Вероятно из др.-шв. *artogh, örtogh*. Монета, равная 1/3 ейрир (*öre*)» (СФ 1:89). Эта монета была выпущена в Швеции при короле Магнусе II, в 1360 г., и в конце XIV — начале XV вв. получила распространение в древнем Новгороде. Вслед за И.И.Срезневским цитируем Новгородскую I летопись от 1410 и 1420 гг.: «Новгородцы начаша торговати

промежи себе лобци и гроши Литовскими и артугы Немецкими. А куны отложиша; (в 1420 г.) начаша торговати денги серебряными. А артугы продаша Немецем. А торговали ими 9 лет» (СМ 1:27). В середине же XV в. в Новгороде и Пскове стали ковать серебряные монеты, в результате чего *артуги* стали выходить из употребления. Лексема *артуг* вслед за обозначающей ей реалией также использовалась все реже, и в настоящее время известна, пожалуй, лишь историкам и нумизматам.

История же *артуга* в Швеции много длиннее. Согласно SEO *артуг*, — это «денежная единица — третья часть эре (1/24 марки), а также монета такого номинала; = др. гот. *ertaug*, др.-норв. *örtog*, *ærtug*, др.-дат. *ørtugh*. Как и эре, артуг является обозначением скандинавской монеты; вероятно из др.-сканд. *arut (*arit-), тот же корень, что и др. сакс. *arut*, др.-нем. *arizzi*, *aruz* — руда. Выдвигались идеи о связи с лат. *gaudus*, *gūdus*, кусок руды, используемый в качестве денежного средства (ср. исл. *gaufi* — железная руда), ср. также шумер. *igud* — медь. Возможно, этимологически восходит к астиониуму Арреций. Выпуск монет продолжался еще при короле Юхане III. В камералистике слово упоминается в 1650 г., оно отмечается Свенном Хофом в 1753 г.» (SEO 2:1467-1468) (Здесь и далее шведские источники даны в переводе автора). В NEO отмечается, что *артуг* — это «средневековая шведская монета, выпущенная в последний раз в 1589 г.» (NEO 3:626). Таким образом, на территории Швеции «артуги» активно использовались минимум до конца XVI в. и не выходили из употребления до середины XVIII в. В дальнейшем с отказом от этой монеты в шведском языке перестала звучать и лексема *örtogh*, перейдя в разряд устаревшей лексики.

Другая скандинавская монета, имевшая хождение на Руси, называлась *оврь*. Упоминание о ней встречается только в этимологическом словаре М.Фасмера. Согласно данному источнику, слово происходит из «др.-шв. *öre*, 1/18 марки, фунта» (СФ 3:116). По всей видимости, наличие лишь фрагментарной информации об этой лексеме обусловлено тем, что монета на Руси не получила широкого распространения и не играла важной роли в товарно-денежных отношениях.

Интересно, что в шведском языке лексема *öre* также является заимствованием. В SEO читаем: «Эре. Часто и, видимо, правильно считается заимствованием из лат. *aureus*, «золотая монета». Слово, по всей видимости, пришло из района нижнего течения Рейна. Против скандинавского происхождения лексеммы говорит тот факт, что не удается проследить ее этимологию в северных языках» (SEO 2:1464). Однако слово закрепилось в скандинавских языках несмотря на то, что само «эре» за многовековую историю не раз меняло свой облик, так же, как менялись стандарты массы и содержания металла в монете. «Эре» до сих пор являются частью денежной системы Швеции.

Связи наших предков с выходцами из Скандинавии не ограничивались «деловыми», торговыми контактами. Некоторые скандинавы надолго задерживались в русских городах. Такое тесное соседство

— одна из причин заимствования русским языком бытовой лексики, названий предметов материальной культуры, таких, как *беркун*, *бурак*.

На протяжении многих веков собирательство наряду с охотой и рыболовством было распространенным способом пополнения запасов пищи, не чуждым и суровым викингам. С развитием общества собирательство превратилось в хобби, а слова *беркун* и *бурак* стали историзмами, уступив место «обычным» корзинам.

Итак, *беркун*. Это слово не звучит в повседневной речи, оно даже не фиксируется в региональных и диалектных словарях северо-западных областей России. Лексема упоминается только М.Фасмером: «корзина для ягод и грибов» (СФ 1:157). Отмечается сходство со шведскими *björk* — береза и *kont*, *kunt* — корзина. В Швеции же это слово продолжает употребляться. Так, в SEO читаем: «Сумка из бересты, ранец, в диал. также корзина (корзина для рыбы) = норв. *kunt*» (SEO 1:525-526). Отметим и то, что в коммуне Умео (шв. *Umeå*) существует заповедник *Strömbäck-Kont*. Дословно его название значит «корзина с текущими ручьями». Столетия назад в этой области на берегу моря существовала масса заливов, ставших впоследствии озерами, что, вероятно, и послужило причиной появления этого топонима. Также следует упомянуть памятник, расположенный в городе Мюнстер: скульптура изображает человека несущего на спине «беркун».

Бурак, согласно М.Фасмеру, — это «цилиндрическое лукошко из бересты» (СФ 1:243). В русском языке это слово употребляется, пожалуй, только в диалектах. При этом, как отмечается в Псковском областном словаре, *бурак* — это «небольшой сосуд из бересты» (ПОС 2:215). Интересно сравнить, как изменилось лексическое значение этого слова по сравнению с исходным *burk*. Так, шведское слово по своему происхождению восходит к «др.-швед. *budhker* = исл. *budkr*, др.-дат. *budk*, совпадает с средненем. «*bodik*» — чан (далее средненем. *bodiker* = нем. «*böttcher*» — бондарь, заимств. из дат. *bødker*, ср. шв. диал. *böckare* и фамилия *Böttiger*)» (SEO 1:113). Таким образом, изначально слово *burk* означало некий вместительный сосуд, бочку, чан.

Тогда как в русском языке лексема *бурак* перешла в разряд устаревшей лексики, в современном шведском языке слово *burk* продолжает употребляться в значении «небольшой сосуд с крышкой» (NEO 1:224): *burköl* — банка пива, *konservburk* — банка консервов; также *burköppnare* — открывалка и т.д.

Помимо названий монет и предметов быта славяне заимствовали у скандинавских соседей и наименования различных предметов одежды и материалов: *барма*, *водмол*, *рокан*.

Слово *барма* восходит к «др. швед. *barmber* = исл. *barmug*, дат. *barm*, гот. *barms*. Обычно воспринимается как образование на -m от индоевр. **bhormo-*, формально идентичному греч. *phormós* — плетеная корзина (для переноски чего-либо). Слово в таком случае означает пространство между грудной клеткой и одеждой, где хранились вещи, кото-

рые человек носил с собой. Возможно, однако, как и исл. «barmr» (кайма, край) восходит к корню со значением «край, кайма» (SEO 1:53). В шведском языке, в отличие от русского, слово продолжает активно употребляться. Лексема означает отделку, оторочку, выполненную из материала, отличного от того, из которого изготовлен сам предмет одежды. Например, *hermelinsbräm* — горностаевая оторочка, *pälsbräm* — меховая оторочка и т.д. Таким образом, лексическое значение этого слова в шведском языке не претерпело значительных изменений. В русском же языке данное заимствование стало, по М.Фасмеру, означать «наплечные и нагрудные украшения великих князей» [СФ 1:127-128]. Так, «Князь великий Иван Васильевич венчан бысть святыми бармами и царским венцем» (СРЯ 1:74). Налицо метонимический перенос — от шведского «отделка предмета одежды» к «определенной детали туалета». С исчезновением сословной иерархии российского общества слово *барма* стало историзмом и встречается ныне лишь в исторических источниках.

Другой заимствованный у скандинавов предмет одежды назывался *рокан*. Согласно М.Фасмеру, это «камзол, поддевка» (СФ 3:497). С течением времени в говорах кольских поморов это слово приобрело значение «непромокаемый рыбацкий костюм». По происхождению *рокан* восходит к шведскому *rock*, об этимологии которого читаем: «Др. шв. *gokker* = исл. *gokkt*, ср. дат. «*slaabrok*» — пижама; от герм. «*rukka» — кофта» (SEO 2:840). В Средневековье скандинавский рокан (камзол) сравнивался с римскими и греческими туниками. Полы *рокана* были до бедер, надевался он под плащ. *Rock* по-прежнему продолжает активно использоваться в шведском языке. Часто лексема выступает в качестве составной части сложных существительных относящихся к одежде, например, *vinterrock* — зимнее пальто, *rockkrage* — воротник пальто, *rockärm* — рукав пальто. Иногда при переводе возникают трудности с выбором эквивалента в русском языке — так много значений у лексемы *rock*, например, *prästock* — ряса священника, *läkare i vita rockar* — врачи в белых халатах и даже *badrock* — купальный костюм, купальник. Тогда как в русском языке лексема *рокан* перешла в разряд историзмов, шведское слово *rock*, наоборот, приобрело новые лексические значения.

Еще одна лексема, имеющая непосредственное отношение к одежде, — это *водмол*, «толстая, грубая шерстяная ткань» (СФ 1:331). Этот вид материи получил на Руси довольно широкое распространение, о чем свидетельствуют упоминания в новгородских берестяных грамотах. Так, в грамоте №130 читаем: «Ваиваса у Вякшина 12 локти *водмолу* и полотретьянацате локти хери». А в грамоте под №927 отмечается диминутив водмола — *водмолец*, что указывает на полное освоение русским языком данного скандинавизма.

Этимологически *водмол* восходит к шведскому *vadmal*, которое в свою очередь — к «др. швед. *vařmal*, от «*vař*» — шерстяная ткань и «*mal*» — мера» (SEO 2:669). В шведском лексема *vadmal* продолжает функционировать, что подтверждается ее наличием в

современных толковых словарях. Однако постепенно она становится частью пласта архаичной лексики в силу того, что сама ткань производится теперь лишь в рамках народных промыслов в небольших деревнях, хотя раньше широко использовалась крестьянами (NEO 1:215).

Быт наших предков и выходцев из Скандинавии был тесно связан с водным пространством. Скандинавы славились по всему свету как умелые мореходы. Один из видов кораблей у викингов назывался *шнека* (так именовался «вид вооруженного судна» (СФ 3:426)). История этого слова в русском и шведском языках исчисляется столетиями.

Так, шведская лексема *snäcka* была «заимствована из древнего языка (как и название корабля дракар), др. швед. «*snækkia*» — вид небольшого (военного) судна = исл. *snækkja*; родственно англосакс. «*snacc*» — военный корабль; корабль с длинным и острым форштевнем» (SEO 2:19). В русском языке значение «шнеки» несколько изменилось, оно потеряло военный характер. В Новгородской области, например, *шнекой* стали с течением времени называть высокую лодку для ловли рыбы. Изменения не обошли стороной и лексическое значение шведской *snäcka*. Это слово по-прежнему обозначает корабль, однако, «в настоящее время используется для обозначения семейного моторного катера (лодки) в Норвегии» (NEO 3:200). А в Национальной энциклопедии читаем: «Шнека. В эпоху викингов длинный корабль средних размеров. Слово позднее стало использоваться для названия любых красивых кораблей» (NE: 824). Получается, что в шведском языке слово *snäcka* приобрело статус гиперонима, обозначающего «любые красивые корабли».

При рассмотрении вопросов, касающихся лексики иноязычного происхождения, исследователи зачастую обращают внимание лишь на то, как эта лексика отражается в языке-реципиенте. При этом то, что происходит со словами, которые были заимствованы, в самом языке-доноре остается «за кадром». Описанная лексика относится к различным тематическим группам: «денежные единицы», «бытовая лексика / предметы быта», «одежда», «виды кораблей» (см. об этом подробнее [2]). Это, бесспорно, указывает на то, что взаимоотношения двух культур не ограничивались контактами в какой-либо узкой сфере, например торговле, а затрагивали разные области жизни представителей контактирующих культур.

Изучение историзмов в русском и шведском языках является лишь одним из шагов на пути к комплексному описанию процессов взаимодействия и взаимопроникновения русского и скандинавских языков.

1. Кохановский В.А. Русская лексика скандинавского происхождения по данным отечественной лексикографии // Языковые факты и теория языка: Сб. статей, посвященный 60-летию проф. В.В.Иваницкого / Под ред. Н.В.Семенов. В.Новгород: НовГУ, 2008. С.71-72.
2. Кохановский В. А. // Вестник НовГУ. Сер.: История. Филология. 2009. №52. С.55-58.

Список сокращений

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967 — 2004. Вып. 1-12, 16.
СМ — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. М., 1958. Т. I-III.
СРЯ — Словарь русского языка XI — XVII вв. М., 1975 — 2006. Вып. 1-27.

СФ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 1986.
NE — Nationalencyklopedin. Bokförlaget Bra Böcker AB, Höganäs, 1995.
NEO — Nationalencyklopedins ordbok. Språkdata, Göteborg. Vol. 1-2. Bokförlaget Bra Böcker AB, Höganäs. 1995.
SEO — Svensk etimologisk ordbok. Lund. Vol. 1-3. C.W.K. Gleerups förlag, 1966.